

16:27

Анатолий Бевза

▶ 238,4K

margo_00

Пышка? 😄

♡ 12,3K

sokolov_k

Краш Москвы?
Серьёзно?))

♡ 8,1K

nastya_love

Шаурма
на ножках

♡ 9,6K

alex_fit

Был 120,
теперь сколько?

♡ 3,1K

dima_msk

А если я не хочу?
Где мотивация?

♡ 2,7K

tema.777

Он ещё и жрёт
в кадре...

♡ 5,4K

vlada.s

Сдулся 😄

♡ 4,2K

lizavetka

Никит, не отдавай им своё. ❤️

16:27

НЕ
ВАШ
МЕМ
😞

КРАШ
МОСКВЫ,
~~7 МИНУТ~~
и вся жизнь ❤️

Доставка
приехала
😞

#ПЫШКА

ВЫ НЕ ЧУЖОЙ МЕМ. И Я ТОЖЕ.
Первый результат был не на весах.

16+

Анатолий Бевза

Краш Москвы, 7 минут

<https://litres.ru/74545938>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Не фотошопьте мне пресс. Я с ним ещё не знаком».

Он стал мемом с булкой в руке. Потом - крашем Москвы. На семь минут. Он похудел, но не починился. Он шутит, но ему страшно. Он идёт - хотя не знает куда.

Книга, которая говорит с тобой на твоём языке.

«Краш Москвы, 7 минут».

Содержание

Примечание читателю	4
Глава 1. Сначала я стал мемом	5
Глава 2. Зал, где зеркал больше, чем людей	13
Глава 3. Врач, который запретил мне героизм	21
Глава 4. Лиза оказалась не котом	27
Глава 5. Первый результат был не на весах	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анатолий Бевза

Краш Москвы, 7 минут

Примечание читателю

В этой истории есть травля, сложные отношения с телом и едой, эпизоды тяжёлого эмоционального состояния. Это роман, не инструкция по похудению и не замена врачу или психологу. Если какие-то сцены слишком похожи на вашу жизнь и вам тяжело, скажите об этом взрослому, которому доверяете, или специалисту. Если вы в непосредственной опасности, обращайтесь в местную экстренную службу.

Глава 1. Сначала я стал мемом

В шестнадцать лет у людей обычно есть лицо, характер и хотя бы одна фотка, которую не стыдно поставить на аватарку.

У меня было сто восемнадцать килограммов, ник @nikitos_pyshka и талант оказываться на заднем плане чужих видео именно в тот момент, когда я жую.

Не суперсила. Но стабильная.

В тот вторник я шёл по школьному коридору с булкой и компотом. Булку я почти доел. Компот был цвета тревоги. Перед кабинетом истории стоял Кирилл Соколов — Кирюха для друзей, Кирилл Сергеевич для учителей и «господи, опять он» для меня.

Он был из тех парней, которые даже у автомата с бахилами выглядят так, будто сейчас снимаются в рекламе часов. Волосы уложены. Белые кроссы белее школьных стен. Плечи есть. Подбородок один.

У меня подбородков было два. В плохом освещении — стартap из трёх.

— Никитос, тормози, — сказал Кирилл.

Я остановился.

— Чего?

— У тебя булка убегает.

Я посмотрел на булку.

Булка никуда не убегала.

За спиной кто-то хихикнул.

— А, — сказал я. — Юмор. Понял. Сложно, но я справился.

Макс, мой лучший друг, кашлянул в кулак. Я ткнул его локтем.

— Предатель.

— Я не смеюсь над тобой, — прошептал он. — Я смеюсь над качеством шутки.

— А звучит одинаково.

Кирилл уже снимал что-то на телефон. Я заметил камеру, но поздно. Улыбнулся. Автоматически. Так улыбаются люди, которых внезапно сфоткали на паспорт и сказали: «Не моргайте».

— Всё, свободен, — сказал он.

— Спасибо, начальник отдела булок.

На уроке мой телефон начал вибрировать.

Раз. Два. Десять. Тридцать.

Я перевернул его экраном вниз.

Макс сидел через проход и смотрел на меня так, как люди смотрят на человека, у которого за спиной дымится розетка.

— Не открывай, — одними губами сказал он.

Разумеется, я открыл.

В школьном канале было видео. Я, снятый сбоку, иду по коридору. В руке булка. Камера слегка замедляет кадр. Сверху подпись:

«Когда решил, что ты краш, но доставка уже приехала».

Снизу — мой ник.

За сорок минут — восемь тысяч просмотров.

Я прочитал комментарии.

Первые три были тупыми.

Следующие десять — тоже.

Потом стало хуже, потому что люди начали стараться.

«Бро идёт, а коридор заканчивается».

«Школа: питание сбалансированное. Никитос: баланс отменяется».

«Он милый, не трогайте».

На этот комментарий ответили: «Милый — это кот. Этот — шаурма».

Я закрыл телефон.

Учительница рассказывала про реформы. За окном шёл мокрый московский снег, хотя был только октябрь. Батарея жарила так, будто школа пыталась сварить нас всех заживо. Кто-то щёлкал ручкой. Кто-то шептался.

Нормальный день.

Только я почему-то стал контентом.

Я сидел и чувствовал себя неправильно сложенным. Парты были рассчитаны на человека поменьше. Колени упирались в столешницу снизу. Локти не помещались — один всегда свисал. Я сидел, повернувшись чуть боком, как краб. Так делают все крупные в классе. Мы все знаем этот поворот. Мы все научились сидеть так, чтобы занимать меньше, чем за-

нимаем.

Под футболкой между лопатками текло. Я чувствовал, как ткань липнет к спине и отходит, и снова липнет. Никто не замечал. Я замечал каждую секунду.

Я хотел пить. Бутылка была в рюкзаке, рюкзак — на полу. Чтобы достать, надо наклониться. Наклонишься — парта скрипнет, все обернутся, и я снова буду большим в маленьком пространстве.

Я не стал пить.

Это мелочь. Но таких мелочей за день — сотня. И к вечеру я уставал не от уроков. Я уставал от того, что всё время помнил, где я, как я, сколько я занимаю.

В тот момент мне было стыдно не из-за слова «толстый». Мне было стыдно просто наклониться за водой.

После уроков Макс пошёл со мной до метро.

— Удалить канал? — спросил он.

— Конечно. Заодно интернет.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Выдерни кабель из Москвы.

Макс засунул руки в карманы.

Он был худой так несправедливо, что это почти считалось преступлением. Ел пиццу ночью. Пил сладкую газировку. Мог забыть пообедать и не умереть. Рядом с ним я иногда чувствовал себя человеком, которому природа выдала другой тариф.

— Кирилл урод, — сказал он.

— Нет. Кирилл популярный урод. Это другая комплектация.

Мы дошли до турникетов.

Телефон снова завибрировал.

Двадцать семь тысяч. Потом тридцать.

В вагоне напротив меня сидела девочка лет семи и смотрела очень внимательно.

Я напрягся.

Она потянула маму за рукав и громко спросила:

— Мам, а почему этот мальчик грустный?

Мама покраснела.

— Не смотри на людей.

— А я не на людей. Я на него.

Макс отвернулся к двери и тихо задыхался от смеха.

— Я тебя ненавижу, — сказал я.

— Это лучший день моей жизни.

— У меня худший.

— Значит, баланс.

Дома мама поставила передо мной тарелку макарон и котлету.

— Как школа?

— Я звезда.

— Пять получил?

— Тридцать тысяч просмотров.

Она замерла с половником.

— За что?

— За существование.

Я показал видео.

Мама посмотрела до конца. Потом ещё раз. Потом сняла очки.

— Найди мне телефон его мамы.

— Мам.

— Никита.

— Мам, не надо. Мне шестнадцать, а не шесть.

— В шесть я бы уже стояла у них дома.

Я улыбнулся. Чуть-чуть.

Потом ушёл к себе.

Видео перевалило за сорок тысяч.

Я лёг на кровать и решил не читать комментарии.

Через минуту читал комментарии.

Когда мне было больно, мозг предлагал отличный план: открыть комментарии и проверить, нельзя ли сделать ещё больнее. Вдруг там, на дне, секретный уровень.

Среди сотен сообщений одно было без смайлов.

«Никит, если увидишь: ты смешной не потому, что они над тобой смеются. Ты реально смешной. Это другое. Не отдавай им своё».

Аккаунт: @lizavetka.

Аватарка — чёрный кот в жёлтом дождевике.

Я перечитал три раза.

Потом написал: «Спасибо, кот».

Ответ пришёл через минуту:

«Я не кот».

«Пока не доказано».

«Иди спать, звезда».

Я положил телефон на грудь.

В комнате было темно. Из кухни мама разговаривала с кем-то по телефону. За окном по МКАДу тянулась красная нитка фар. Москва не спала. Москва вообще плохо умела спать.

Я снова открыл камеру.

Посмотрел на себя.

Круглое лицо. Волосы торчат. Футболка растянута. Глаза злые.

Хотел сказать что-нибудь пафосное.

Получилось:

— Ну всё, Никитос. Нас зафорсили. Теперь надо как-то жить.

Я записал короткое видео.

— Народ. Это я. Тот самый «доставка приехала». Да, я вешу много. Нет, я не буду удаляться из интернета, потому что вам смешно. Я начинаю сто дней нормальной жизни. Не «минус сорок за месяц», не «ем воздух и грущу». Хочу научиться не задыхаться на лестнице, нормально спать, не прятаться на фотках и вообще перестать быть проектом чужих комментариев. Буду выкладывать честно. Если сорвусь — покажу. Если буду ныть — Макс покажет. Если умру в зале — удалите историю браузера. Погнали.

Я отправил Максу перед публикацией.

Он ответил:

«Последнее вырежи. Мама прочитает».

Я вырезал.

Опубликовал.

Через десять минут было двадцать три просмотра.

Один комментарий.

Макс: «Завтра в зал. 16:30. Не слейся».

Через минуту второй.

@lizavetka: «Сто дней нормальной жизни звучит лучше, чем сто дней ненависти к себе. Удачи, не-кот».

Я улыбнулся.

Потом посмотрел на список дел на завтра.

Алгебра. Литература. Зал.

Я никогда не боялся алгебры так мало.

Глава 2. Зал, где зеркал больше, чем людей

На следующий день после школы я пошёл в зал. В школьной форме — переодеться заранее я, конечно, не додумался. И там понял две вещи.

Первая: спортзал придумали люди, которые ненавидят личное пространство.

Вторая: в спортзале зеркал больше, чем людей, и каждое считает своим долгом показать тебя с нового, неожиданно трагического ракурса.

— Не смотри, — сказал Макс.

— Куда?

— В зеркало.

— Их сорок.

— Тогда смотри в пол.

— Там мои кроссовки.

— Что с ними?

— Они тоже разочарованы.

Макс потащил меня к стойке администратора.

Девушка с идеальным хвостом спросила:

— Первый раз?

— Так заметно?

Она посмотрела на мою школьную форму, пакет со смен-

кой и бутылку воды размером с огнетушитель.

— Немного.

— Я подготовился.

— Вижу.

— Там два литра.

— Зачем?

— В интернете сказали пить воду.

Она улыбнулась.

— В интернете ещё много чего говорят.

— Например?

— Что лимонная вода меняет жизнь. Обычно она меняет только воду.

Я уже собирался спросить, где раздевалка, когда рядом появился мужчина лет сорока пяти. Серые волосы. Чёрная футболка. Никаких огромных мышц из рекламы протеина. Просто крепкий. Спокойный. И лицо человека, которому неинтересно, какое у тебя количество подписчиков.

— Никита? — спросил он.

— Возможно.

— Я Григорий. Тренер.

— Гриша?

— Для друзей.

— А мы?

— Пока ты опоздал на четыре минуты.

— То есть не друзья.

— Уже думаешь.

Макс тихо сказал:

— Он мне нравится.

— Тебя никто не спрашивал.

Григорий услышал.

— Друг тренироваться будет?

— Я группа поддержки, — сказал Макс.

— Тогда на дорожку.

— У группы поддержки есть профсоюз?

— Теперь нет.

— В смысле?

— Поддерживать будешь в движении.

Через минуту мы оба шли на дорожках.

Я ждал, что Гриша спросит мой вес.

Он спросил:

— Спишь сколько?

— Ночью?

— Желательно.

— Пять. Шесть.

— Завтракаешь?

— Иногда.

— Когда?

— Когда мама ловит.

— Колени болят?

— Когда долго иду.

— Голова кружится?

— На алгебре.

— Не считается.

Он записывал в планшет.

— Сколько хочешь весить?

Вот. Наконец.

Я выпрямился.

— Восемьдесят.

— Почему?

— Красивое число.

— Ещё.

— Кирилл весит восемьдесят два.

Гриша перестал писать.

— А Кирилл тебе зачем?

— Он... никто.

— Тогда зачем ты хочешь его вес?

Я пожал плечами.

Гриша убрал планшет.

— Смотри. Тебе шестнадцать. Я не буду сажать тебя на голодную сушку, считать каждую крошку и обещать «минус двадцать к лету». Я тренер, не волшебник и не врач. Сначала — спортивный врач, анализы, колени, давление. Потом программа. Еда — нормальная. Сон — нормальный. Движение — регулярное. Остальное не цирк.

— А похудение?

— Может прийти. Скорее всего придёт. Но если ты будешь каждое утро вставать на весы и решать по цифре, нормальный ты сегодня или нет, я эти весы выброшу.

— Они дорогие.

— Значит, выброшу красиво.

Макс с соседней дорожки поднял большой палец.

— Я за него.

— Тебя вообще никто не приглашал, — сказал я.

Гриша нажал кнопку на моей дорожке.

Скорость увеличилась.

— Эй.

— Разговариваешь — значит, можешь быстрее.

— Это нарушение прав человека.

— Пиши в ООН.

Через семь минут я понял, что у лёгких тоже есть характер.

Мои были драматические.

Они требовали адвоката.

Через десять минут Гриша остановил дорожку.

Я схватился за поручни.

— Всё?

— Разминка.

Я посмотрел на Макса.

— Передай маме, что я её любил.

— Сам передашь. Мы вместе живём в одном районе.

— Бесчувственный.

Потом Гриша подвёл меня к лавке.

— Приседания.

— Я умею. Я каждый день сажусь на стул.

— Стул много лет скрывал твои ошибки.

На пятом повторе мои ноги сказали: «Всё, братан, мы уходим». На десятом я понял, что мебель всё это время делала слишком много работы за меня.

Первая тренировка оказалась странно простой. Не «сто бурпи, пока не увидишь предков». Присед к лавке. Тяга резинки. Лёгкие гантели. Ходьба. Упражнения на спину. Гриша постоянно спрашивал про колени и дыхание.

Я несколько раз ждал, что он скажет: «Соберись, жирный».

Не сказал.

В конце он протянул мне полотенце.

— Нормально.

— Я чуть не умер.

— Но не умер.

— Мотивация уровня кладбища.

— Запиши в блог.

Я вспомнил про блог.

Телефон лежал в шкафчике.

— Я вообще ничего не снял.

— И?

— Люди ждут.

— Люди могут подождать сорок пять минут.

— Интернет так не работает.

— Жизнь работает.

Я посмотрел на него.

Гриша пожал плечами.

— Ты пришёл тренироваться или доказывать незнакомым, что тренируешься?

Неприятный вопрос.

В раздевалке я записал видео. Лицо красное. Волосы мокрые. Дышал так, будто только что сбежал из горящего здания.

— День один. Сенсация: тренировка не выглядит как монтаж под агрессивную музыку. Я не перевернул трактор. Не пробежал марафон. Десять минут ходил, потом делал упражнения с гантелями, которые весили примерно как пакет гречки. Было тяжело. Тренер сказал, что это нормально. Я пока подозреваю его в мошенничестве. Завтра врач. Да, взрослые всё испортили безопасностью.

Макс залез в кадр.

— А я пробежал три километра.

— Уйди из моего развития.

Видео набрало восемь тысяч к вечеру.

Комментарии были разные.

«Респект, бро».

«Через неделю сольётся».

«Гантели детские».

«Почему тренер не убивает его кардио?»

На последний ответил аккаунт @coach_grisha:

«Потому что моя работа — тренировать подростка, а не собирать просмотры на его обмороке».

Я сделал скрин.

Отправил Максу.

Макс ответил:

«Всё. Я фанат».

Вечером написала @lizavetka.

«Красный тебе идёт».

«Это цвет смерти».

«Нет. Цвет человека, который сделал первый день».

Я завис над клавиатурой.

Потом написал:

«А ты всегда такая мотивирующая?»

Ответ:

«Нет. Обычно я токсичная. Тебе повезло».

Я улыбнулся.

И только потом заметил, что впервые за весь день не проверил, сколько весит Кирилл.

Глава 3. Врач, который запретил мне героизм

Спортивного врача звали Марина Олеговна.

Она была невысокой, быстрой и говорила так, будто у неё на каждого пациента есть ровно семь минут и ни одной лишней иллюзии.

— Цель? — спросила она.

— Похудеть.

— Это результат. Цель?

— Стать красивым.

Она подняла глаза от карты.

— Это вообще не медицинский термин.

— Жаль. Было бы удобно.

— Что мешает жить сейчас?

Я хотел сказать «лицо».

Но вспомнил лестницу.

— На четвёртый этаж тяжело. Колени иногда ноют. Сплю плохо. И...

— И?

— Стыдно в раздевалке.

Марина Олеговна кивнула так спокойно, что мне стало ещё неловчее.

— Последнее лечится не весами.

Она измерила давление, послушала сердце, проверила суставы. Назначила анализы и консультацию педиатра-эндокринолога, потому что мне шестнадцать и «в организме ещё идёт стройка, не надо привозить экскаватор без проекта».

Мне понравилась эта фраза.

— А диета?

— Еда.

— Я про диету.

— А я про еду. Регулярную. Без голодовок. Без «после шести вода». Без банок с порошком из интернета. Ты растёшь.

— Я уже достаточно вырос в ширину.

— Самоирония полезна, пока не заменяет уважение к себе.

Вот это было нечестно.

Взрослые не должны выдавать нормальные реплики без предупреждения.

После врача мы с мамой зашли в кафе.

Я заказал суп и сэндвич.

Мама смотрела на меня подозрительно.

— Что?

— Ничего.

— Ты сейчас скажешь: «А салат?»

— Не скажу.

— «А хлеб?»

— Никит.

— «А соус?»

— Я просто смотрю.

— Мамы не просто смотрят. У вас встроенная аналитика.
Она вздохнула.

— Я боюсь сказать что-нибудь не то.

Я перестал шутить.

— В смысле?

— Ты вчера пришёл из зала и впервые за год рассказывал про себя без слова «жирный». Я не хочу это испортить.

Я покрутил ложку.

— Я много так говорю?

— Постоянно.

— Я думал, это прикол.

— Иногда прикол — это броня.

— Ты с Мариной Олеговной сговорилась?

— Нет. Я твоя мать. Я профессионально переживаю.

Мы поели.

Я не фотографировал тарелку.

Не записывал «что я ем за день».

Не считал ничего.

Это было странно. Будто трансформация должна была начинаться с таблицы. А началась с супа.

В школе Кирилл встретил меня у раздевалки.

— Видел твой челлендж.

— Поздравляю с интернетом.

— Сто дней?

— Ага.

— И сколько скинешь?

— Не знаю.

Он усмехнулся.

— Удобно.

— Очень. Ещё удобно не спрашивать у тебя разрешения.

Рядом стояли двое его друзей. Я ждал смеха.

Они не засмеялись.

Кирилл тоже.

Просто сказал:

— Посмотрим.

Весь день это «посмотрим» сидело у меня в голове.

На тренировке я шёл быстрее, чем сказал Гриша.

Он нажал кнопку и снизил скорость.

— Зачем?

— Ты ускорился.

— И?

— По плану не надо.

— Я могу.

— Можешь. Но зачем?

Я молчал.

— Кирилл? — спросил он.

— Откуда вы знаете Кирилла?

— У тебя на лице написано. Крупным шрифтом.

— Он сказал «посмотрим».

— И ты решил умереть ему назло?

— Не умереть. Просто быстрее.

— Никита, запомни: героизм — плохой режим тренировок. Сегодня ты докажешь Кириллу пять минут. Завтра колено докажет тебе две недели.

Я посмотрел в зеркало.

Красный. Потный. Большой.

И почему-то не ужасный.

Просто я.

— Значит, медленно?

— Значит, регулярно.

— Скучно.

— Скука — недооценённая суперсила.

Вечером я выложил видео:

— День три. Сегодня врач запретил мне героизм. Тренер тоже. Короче, взрослые объединились против красивого монтажа. План скучный: спать, есть нормально, ходить, тренироваться, не убиваться. Если это сработает, индустрия мотивационных роликов рухнет.

Комментарии начали расти.

Кто-то написал:

«Бро, спасибо. Я думал, если не блюёшь после тренировки, значит не старался».

Я хотел ответить шуткой.

Не стал.

Написал:

«Сходи к нормальному тренеру. Правда».

Через пять минут пришло сообщение от Лизы.

«За этот ответ респект».

«Я теперь официально взрослый?»

«Нет. Ты написал „бро“ в медицинском совете».

«Справедливо».

«Кстати, мы знакомы».

Я сел на кровати.

«В смысле?»

Три точки печатания появились. Исчезли. Снова появились.

«Завтра узнаешь».

Я перечитал.

Потом открыл список класса.

Лиз было две.

Одна — Лиза Козлова, которая сидела на первой парте и спорила с учителями так вежливо, что они благодарили её после поражения.

Вторая — Елизавета Романова из параллели. Та самая, которую Кирилл однажды назвал «слишком умной для тусовок», а она ответила: «Слишком тусовочной для твоего словарного запаса».

Я лежал до часа ночи.

Потом вспомнил, что сон — часть плана.

И впервые в жизни ненавидел загадки за нарушение режима.

Глава 4. Лиза оказалась не котом

Утром я пришёл в школу раньше обычного.

Не потому что хотел. Потому что Лиза написала «завтра узнаешь», а мой мозг решил, что «завтра» начинается в 00:00 и с этого момента обязан страдать.

У гардероба никого не было, кроме охранника Виктора Петровича.

— Рано, Никита.

— Люблю образование.

— Врёшь плохо.

— Учусь.

Он кивнул на мой пакет со спортивной формой.

— Спорт?

— Да.

— Молодец.

Я уже прошёл, когда он добавил:

— Только не психуй. У меня племянник за месяц решил стать бойцом. Теперь гипс тоже боец.

Москва, видимо, вступила в заговор против героизма.

У кабинета литературы стояла Лиза Козлова. С рюкзаком, книгой и лицом человека, который не имеет отношения к чёрным котам.

Я напрягся.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

— Чего смотришь?

— Проверяю.

— Что?

— Ты кот?

Она медленно подняла бровь.

— Всё хуже, чем я думала.

Я выдохнул.

Не она.

— Забей.

— Уже.

Из-за угла вышла Елизавета Романова.

Зелёная куртка. Наушники. На рюкзаке брелок — кот в жёлтом дождевике.

Она остановилась передо мной.

— Мяу.

Я закрыл лицо руками.

— Нет.

— Что нет?

— Ты не могла просто написать: «Это я»?

— Могла. Но тогда я бы не увидела это лицо.

— Какое?

— Когда человек понял, что три вечера флиртовал с девочкой из параллели, думая, что это неизвестный кот.

— Я не флиртовал.

— «Спасибо, кот» — база флирта.

— Я ухожу.

— У тебя урок здесь.

— Переведусь.

Она засмеялась.

Лиза была красивой не так, как Кирилл был красивым. Не «идеально собранной». Волосы выбивались из хвоста. На носу маленькая царапина. На кедах маркером нарисована молния. Она смотрела прямо, будто не понимала, зачем люди отводят глаза.

— Почему ты написала? — спросил я.

— Под видео?

— Да.

Она пожала плечами.

— Потому что все решили, что раз можно смеяться, значит человека нет. Меня это бесит.

— Ты меня пожалела?

— Фу.

— Что «фу»?

— Жалость сверху вниз. Я была рядом.

— Где?

— В комментариях.

Прозвенел звонок.

Она пошла к лестнице, потом обернулась.

— И да. Я не считаю тебя «нормальным несмотря на вес».

— Спасибо... наверное.

— Ты иногда ненормальный независимо от веса.

— Вот теперь точно спасибо.

На большой перемене Макс узнал всё за двадцать секунд и устроил драму.

— Ты скрывал от меня роман?

— Какой роман?

— Три дня переписки.

— Это не роман.

— Для нашего класса это уже брак.

— Макс.

— Дети будут котами?

— Я тебя ударю.

— Спортсмен! Агрессия пошла!

Я смеялся так громко, что на нас обернулась учительница.

В этот момент к столу подошёл Кирилл.

— Романова, ты теперь его пиарщик?

Лиза подняла глаза.

— А ты теперь ходишь по столовке и собираешь чужие разговоры?

— Просто спросил.

— Просто ответила.

Кирилл посмотрел на меня.

— Видос уже сто двадцать тысяч.

Я не знал. Утром не проверял.

— Круто, — сказал я.

— Тебя форсят.

— Бывает.

— Потом забудут.

Лиза отложила вилку.

— Кирилл, тебе что нужно?

Он улыбнулся.

— Ничего.

— Тогда идеально: ты уже получил.

Макс подавился компотом.

Кирилл ушёл.

Я посмотрел на Лизу.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Как будто у тебя на каждого человека готов судебный иск.

— Только на тех, кто заслужил.

После школы она пошла с нами до метро.

Я снимал короткое видео на ходу.

— День четыре. Сегодня выяснилось, что мой главный мотиватор — не кот. Это плохая новость, потому что коты проще.

Лиза появилась в кадре.

— Не снимай меня.

Я сразу опустил телефон.

— Сорри.

Она кивнула.

Через пару секунд сказала:

— Можешь. Только спроси сначала.

Я включил снова.

— Можно?

— Теперь можно.

Макс влез между нами.

— А меня никто не спрашивает.

— Ты подписал бессрочное согласие дружбой, — сказал я.

— Это незаконно.

Видео набрало двести тысяч за вечер.

Не потому что там было что-то великое.

Потому что Лиза в конце сказала:

— Никит, не забудь: завтра контрольная.

А я ответил:

— Я меняю жизнь, а алгебра не уважает сюжет.

Эту фразу растащили по школьным чатам.

К утру кто-то сделал стикер с моим лицом и подписью:
«Алгебра не уважает сюжет».

Я сохранил стикер.

Неделю назад я мечтал, чтобы любая картинка с моим лицом исчезла из интернета.

Эту — оставил.

Глава 5. Первый результат был не на весах

На двенадцатый день я впервые поднялся на четвёртый этаж школы без остановки между вторым и третьим.

Никто не хлопал.

Оркестр не играл.

Лиза вообще шла впереди и спорила с Максом, можно ли считать шаурму архитектурой.

А я просто дошёл.

И только у кабинета понял, что не держусь за перила и не делаю вид, будто остановился проверить телефон.

— Макс, — сказал я.

— Что?

— Я поднялся.

— Мы все поднялись.

— Нет. Я поднялся.

Он посмотрел внимательнее.

— Без остановки?

Я кивнул.

Макс поднял руки.

— Граждане! Историческое событие!

— Заткнись.

— Никитос покори́л четвёртый этаж!

Лиза обернулась.

— Серьёзно?

— Да.

Она улыбнулась.

— Вот это выложи.

— Как? «Парень прошёл лестницу»? Миллион просмотров.

— Не всё должно собирать миллион.

Я снял видео после уроков.

Без музыки. Без монтажа. Просто лестница.

— День двенадцать. Сегодня я поднялся сюда без остановки. На весах не знаю что. Гриша не разрешает каждый день проверять. Но раньше я делал паузу там. — Я показал на окно между этажами. — Типа смотрел на улицу. На самом деле пытался не умереть перед восьмым «Б». Сегодня прошёл. Всё. Это мой результат.

Видео набрало меньше просмотров, чем шутки.

Но комментариев было больше.

«Я сегодня тоже прошла три остановки пешком».

«Бро, я впервые за месяц вышел на улицу».

«Мне 38, и я поднялась без лифта на пятый. Спасибо, школьник».

«Не худею, но начал спать семь часов. Считается?»

Я ответил: «Считается всё, что делает твою жизнь чуть менее адской».

Гриша написал мне лично:

«Нормальная фраза. Украду».

«Пять процентов».

«С дорожки проценты сниму».

«Отмена сделки».

В зале он впервые дал мне упражнение со штангой. Пустой гриф.

— И всё? — спросил я.

— Техника.

— Я видел, как человек в интернете приседает двести.

— Я видел, как человек в интернете женился на холодильнике. Мы не обязаны повторять всё.

Макс лежал на коврикe и смеялся.

— Гриша, можно я буду приходить просто ради разговоров?

— Плати абонемент.

После тренировки я всё-таки встал на весы.

Гриша разрешил раз в две недели.

Минус три с небольшим.

Я смотрел на цифру.

Ждал восторга.

Он пришёл. Конечно.

Но странно — слабее, чем на лестнице.

— Мало? — спросил Гриша.

— Нет. Норм.

— Тогда почему лицо как на похоронах калькулятора?

— Думал, будет... больше.

— Чего?

— Чувства.

Он сел на лавку.

— Вес — скучная цифра. Она полезная иногда. Но ты не сериал. У тебя не обязана каждая серия заканчиваться твистом.

— Вы специально говорите фразы для моего блога?

— Я специально говорю, чтобы ты не сошёл с ума.

Вечером Кирилл прислал мне сообщение.

Первое личное за всю жизнь.

«Норм прогресс».

Я уставился на экран.

Показал Максу.

— Это ловушка, — сказал он.

— Какая?

— Не знаю. Но он Кирилл.

Я написал: «Спасибо».

Через минуту:

«Только не расслабляйся».

Вот. Узнаваемый Кирилл.

Я уже хотел ответить чем-нибудь острым, но пришло сообщение от Лизы:

«Гулять?»

«Сейчас?»

«Да. Москва существует и после домашки».

Мы встретились у метро и пошли без цели. Мимо аптек,

кофеен, дворов, где машины стояли так плотно, будто тоже боялись остаться одни. На Тверском бульваре продавали кофе. Лиза взяла какао. Я кофе без сахара, потому что решил быть взрослым.

Сделал глоток.

— Фу.

— Не нравится?

— Ужас.

— Возьми сахар.

— Я же худею.

Она остановилась.

— Никит.

— Что?

— Тебе врач сказал не пить сахар?

— Нет.

— Тренер?

— Нет.

— Тогда почему ты пьёшь то, что ненавидишь?

Я посмотрел на стакан.

— Потому что худеющие так делают.

— Кто?

— Люди.

— Какие?

— Интернетные.

Она протянула мне пакетик сахара.

— Интернетные люди пусть страдают сами.

Я высыпал половину.

Попробовал.

— Лучше.

— Сенсация.

Мы пошли дальше.

Лиза рассказывала про школьный театральный кружок, который она бросила, потому что режиссёр решил, что все девочки должны играть «нежнее».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.